

УДК 94(47).084.3(=16)

**АЛЕКСАНДР КОТОМКИН (САВИНСКИЙ)
И ЧЕХОСЛОВАЦКИЕ ЛЕГИОНЕРЫ НА ВОЛГЕ,
УРАЛЕ И В СИБИРИ (1918–1920 гг.)**

С. В. Стариков

В статье речь идет об Александре Котомкине (1885–1964), который при поддержке Великого Князя Константина Романова, поэта «К. Р.», стал известным поэтом, публиковал свои произведения в сборниках и литературных журналах начала XX века. Участник Первой мировой войны, Котомкин своим творчеством призывал объединиться против германской агрессии, был горячим сторонником славянского единства. В 1917 году он опубликовал первую в русской литературе историческую драму «Ян Гус», посвященную 500-летию гибели чешского национального героя. Поэт приветствовал чешское национальное движение, посылал поэтические приветия «Братьям-чехам». Революция и гражданская война в России изменили судьбу Котомкина. Он оказался участником Гражданской войны на Волге, Урале, в Сибири на стороне Белого движения, не принял большевизм, оставался русским патриотом, выступал за сохранение традиционных ценностей России. Поэт приветствовал действия Чехословацкого корпуса на территории России, выступившего с оружием в руках против Советской власти. Котомкин считал, что чехословаки вместе с русскими добровольцами уничтожат режим большевиков и добьются освобождения. Вместе с труппой Казанского театра Котомкин ставил свою пьесу «Ян Гус» в городах и на крупных станциях Сибирской железной дороги. Чехословаки приветствовали его. Делегация от президента Т. Масарика в 1919 г. пригласила Котомкина посетить Чехословакию. Однако по мере наступления Красной армии Чехословацкий корпус устранился от общей борьбы и, по мнению поэта, предал русских патриотов. Котомкин стал свидетелем гибели Сибирской армии генерала Каппеля. Весной 1920 года он стал уполномоченным атамана Семенова по взаимоотношению с командованием Чехословацкого корпуса, пытался достичь компромисса между антибольшевистскими силами и чехословаками. В 1920 году после поражения Белого движения Котомкин эмигрировал в Чехословакию и называл чехословацкий период (1921–1926 гг.) лучшим периодом своей эмигрантской жизни.

Ключевые слова: Александр Котомкин, поэт, драматург, Первая мировая война, славянское единство, чехословацкие legionеры, Волга, Урал, Сибирь, Гражданская война.

Для цитирования: Стариков С. В. Александр Котомкин (Савинский) и чехословацкие legionеры на Волге, Урале и в Сибири (1918–1920 гг.) // Запад – Восток. 2017. № 10. С. 87–103.

DOI: 10.30914/2227-6874-2017-10-87-103

Александр Ефимович Котомкин (Савинский) (1885–1964) – русский поэт, драматург, гуслиар-складатель, участник Первой мировой и Гражданской войн, эмигрант первой волны, оставил свой яркий след в отечественной и зарубежной культуре первой половины XX века. Он родился 18 сентября 1885 г. в деревне Савино под Царевококшайском Казанской губернии и выступил в литературе под псевдонимом «Савинский». В 1905 году в Московском пехотном училище судьба свела А. Котомкина с Великим Князем Константином Константиновичем Романовым знаменитым тогда поэтом «К. Р.», который ознакомился с первым сборником стихов начинающего поэта и стал покровительствовать ему. В 1910–1916 годы в центральных и местных издательствах выходили сборники, а в литературных журналах отдельные произведения поэта¹. В годы Первой мировой войны Котомкин не только с оружием в руках защищал свое Отечество, но и считал своим долгом поэтическим творчеством поднимать русских людей на борьбу с агрессором. В 1916 году в Петрограде массовым тиражом была опубликована его историческая поэма «Князь Вячко и меченосцы», посвященная героической борьбе русского города Юрьева и прибалтийских народов против немецких рыцарей-меченосцев². В творчестве поэта-патриота все чаще звучала тема славянского единства. В годы войны Котомкин завершил работу еще над одной исторической пьесой-драмой «Ян Гус». Не исключено, что идея написания этой пьесы обговаривалась Котомкиным с «К. Р.», который, как известно, очень благосклонно относился к чехам.

После революции имя Котомкина оказалось вычеркнуто из советской литературы и поэзии как участника Белого движения и эмигранта. Его произведения не переиздавались. Так постепенно он оказался забытым поэтом. Лишь в 1990-е годы стали появляться первые статьи о жизни и творчестве поэта³ [3]. В 2012 году в Йошкар-Оле вышла в свет первая в России монография о жизни и творчестве А. Котомкина [4]. В данной статье автор рассматривает деятельность поэта в период Гражданской войны, когда Котомкин оказался на территории действий Чехословацкого корпуса, поднявшего восстание против Советской власти. При этом были использованы документы и материалы, собранные в течение ряда лет, в особенности опубликованные в 1930 г. в Париже воспоминания «О чехословацких легионерах в Сибири. 1918–1920», включившие в себя и воспоминания, и документы – все то, что было пережито поэтом во время Гражданской войны в Поволжье, на Урале, в Сибири [2]. Интересной страницей его биографии и творчества оказались взаимоотношения Котомкина и легионеров Чехословацкого корпуса.

¹ Котомкин А. Е. Сборник стихотворений (1900–1909). Со вступительной статьей К. Р. С. Петербург: Артистическое заведение Т-ва А. Ф. Маркс, 1910. 107 с.; Котомкин А. Е. Призыв. Стихотворение // Нива. 1909. № 46 (14 ноября). С. 797; Кантата к 300-летию царствования Дома Романовых / сост. А. Котомкин. С.-Петербург: Типография «Сельского вестника»; М.: Т-во И. Д. Сытина, 1912. 16 с.; «1812–1912». Кантата к 100-летию Отечественной войны. Саратов: Паровая типография С. М. Панина, 1913. 7 с. (в конце текста: А. Котомкин); Котомкин А. Е. Песни, посвященные Августейшему Поэту К. Р. Его Императорскому высочеству Великому Князю Константину Константиновичу. 2 июня 1915 года. Киев: Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1915. 31 с.

² Князь Вячко и меченосцы. Историческая поэма. Из эпохи войн XIII столетия – завоевание немцами Прибалтийского края. Посвящается Августейшему Поэту К. Р., в Бозе почившему 2 июня 1915 года. Петроград: Типография Т-ва А. Ф. Маркс, 1916. 134 с. (в названии: А. Котомкин-Савинский).

³ Волгин К. Свету, больше свету! // Марийская правда. 1991. 16 февраля.

После ранения и сильной контузии на Юго-Западном фронте в 1915 г. Котомкин был комиссован и в течение двух лет служил земским начальником в Царевококшайском уезде. Здесь его застали революционные потрясения.

Великая Российская революция 1917–1918 гг. перечеркнула многие планы и надежды поэта, привела его в лагерь тех, кто не мог принять идеологию классовой ненависти и направил свои усилия на борьбу с большевизмом, за сохранение России и ее традиционных ценностей. В период большевистского переворота поэт находился в Казани, где пытался отойти от политики, поступил на историко-филологический университет Императорского Казанского университета. Но октябрьские события 1917 г. не позволили ему закончить университет, вскоре закрытый большевиками. Начавшаяся Гражданская война в России неизбежно привела его в лагерь Белого движения.

Событием в творческой жизни А. Е. Котомкина казанского периода 1917–1918 гг. стал выход в свет его исторической драмы в стихах «Ян Гус»¹. Она была напечатана в типографии «Труд» до апреля 1918 года. Это произведение поэт завершил еще в 1915 г., к 500-летию гибели Яна Гуса, но опубликовать его сразу не удалось из-за запрета цензуры. Большую помощь автору оказал профессор-славист историко-филологического факультета Казанского университета Нестор Мемнонович Петровский. Он преподавал на кафедре славянской филологии, был автором многочисленных трудов, посвященных в основном истории и культуре славян, удостоен звания члена-корреспондента Российской Академии наук в конце 1917 года. [1, с. 229–230, 243]. Петровский написал небольшое предисловие к книге Котомкина, в котором отмечал, что русские поэты XIX в. не уделяли должного внимания славянским сюжетам. Лишь с началом войны 1914 г. оживился интерес к славянству. «Поэтому наша читающая публика, – писал Н. М. Петровский, – должна отнестись с особым интересом к попытке вывести на сцену величайшую личность славянской истории – Яна Гуса»². Профессор подчеркивал, что у чехов трагедия на аналогичный сюжет была написана еще семьдесят лет назад, «русский же драматург впервые избирает деятельность великого исповедника правды Божией сюжетом для своей, вполне оригинальной, пьесы»³. Котомкин предпослал тексту драмы свое стихотворение «Братьям-чехам», написанное в 1916 г. в Царевококшайске.

Благословен ваш славный путь
К заре величья и свободы,
Где, после долгой непогоды,
Вам можно будет отдохнуть.

Погибнув в пламени костра,
Ян Гус живет среди Вас веками...
Чу! Вдохновенными устами
Он говорит: «Пришла пора»!

«Пришла пора!» И ожил вновь
Славянский дух, о братья чехи.
На поле битв звенят доспехи
Бойцов за Правду и Любовь...

¹ Котомкин-Савинский А. Е. Ян Гус. Историческая драма в 6-ти действиях в стихах. Бывшая под запретом. 1915–1917. Казань: Типография Т-ва «Труд», 1918. 80 с.

² Там же. С. 3–4.

³ Там же. С. 4.

Пусть бой жесток. Сам Бог за нас!
 Пусть сеет смерть вражду и стоны, –
 Трещут хищные тевтоны, –
 Суда и мести близок час...
 Когда ж умолкнет звон мечей, –
 В святом порыве возрожденья, –
 Взойдет заря освобожденья
 В сиянье радостных лучей...
 О, верьте, братья! Час придет,
 Когда свободный и счастливый, –
 В святом труде над вольной нивой
 Народ Богемский процветет...¹

Историческая драма А. Е. Котомкина включала 6 действий, воспроизводила основные исторические события. В шестом действии поэтически показана казнь народного героя. На предложение архиепископа констанцкого оставить «безумное служенье» Ян Гус гордо ответил:

«Пусть казни предадут меня враги из мести,
 Чем Богу изменю, и Родине, и чести... »
 «Прости, о Чехия! Мой голос благородный,
 Я верю, не умрет в сердцах твоих сынов!
 Столетия пройдут... Но в сумраке веков,
 Провижу я тебя, желанная заря!...»²

В начале августа 1918 г. войска Народной армии Самарского Комуча, включавшей в себя части Чехословацкого корпуса, отряды добровольцев под командованием подполковника В. О. Капшеля начали наступление на Казань. Флотилия Народной армии разгромила в устье Камы флотилию красных и создала угрозу Казани с Волги. 6 августа капшелевцы, разбив красноармейские отряды, вошли в город с восточной стороны. 7 августа Казань была взята. Казанцы встречали освободителей от большевистской диктатуры. Среди них был и А. Е. Котомкин. Он встретился с чехословацкими legionерами, радуясь их успехам. «Как сейчас я вижу картину взятия Казани чехословацкими legionерами, – вспоминал А. Е. Котомкин в эмиграции. – С каким восторгом все население города Казани, от мала до велика, встречало своих избавителей – братьев Чехословаков, Сербов и отряд Русской Народной Армии, пришедших с белыми повязками на рукаве!» [2, с. 7–8]. Со взятием Казани произошла реорганизация Народной армии: создавался Поволжский фронт под командованием полковника Станислава Чечека, в составе которого объединялись все русские и чехословацкие части. Во главе 1-го Чешского стрелкового полка имени Яна Гуса стоял поручик, позднее полковник Швец. Его А. Е. Котомкин называл «доблестным командиром, храбрым и честным воином, любившим Россию горячей и неподдельной любовью и желавший освободить ее от большевистских пут» [2, с. 8].

Среди до конца преданных России А. Е. Котомкин называет командира Сербского отряда Благодича, вскоре погибшего смертью храбрых в неравных боях под Свияжском за Россию, Сербию и все славянство. Александр Котомкин присутствовал

¹ Котомкин-Савинский А. Е. Ян Гус. Историческая драма в 6-ти действиях в стихах. Бывшая под запретом. 1915–1917. Казань: Типография Т-ва «Труд», 1918. 80 с. С. 5.

² Там же. С. 79–80.

на его похоронах. «Как сейчас вижу его гроб на лафете, буквально утопавший в цветах, славянских лентах и многочисленных венках» [2, с. 8]. Русскими отрядами командовал полковник А. П. Степанов. Душой и вдохновителем русского отряда добровольцев на Волге был молодой офицер Каппель. Его отряд, как подметил Котомкин, состоял большей частью из офицеров, студентов и гимназической молодежи и творил чудеса храбрости. Он держал оборону в Услонских горах на правом берегу Волги, наносил контрудары по большевистским частям, обращая их в бегство.

Александр Котомкин в своих воспоминаниях прекрасно передал ту атмосферу, которая царил в городе и его окрестностях. В. О. Каппель и его добровольцы в пожарном порядке отбивали атаки Красной армии то под Симбирском, то под Казанью. Его бригада в это время состояла из двух стрелковых полков, конного эскадрона и трех артиллерийских батарей общей численностью около 2 тыс. человек. Бои под Казанью усиливались, становились упорнее и ожесточеннее. А. Е. Котомкин свидетельствовал об огромном количестве раненых. Под Казанью общеславянская кровь лилась рекой. И чехи, и сербы, и словаки, и русские, по свидетельству Александра Ефимовича, «мужественно отбивались от черного воронья – интернациональных сил, среди которых было немало мадьяр, латышей, австрийцев и немцев, переодетых в красноармейскую форму и организованных в особые отряды» [2, с. 11]. Красные создали четырехкратное превосходство над малочисленными силами обороняющего город полковника А. П. Степанова. Силы таяли. С подвозом с фронта большого количества раненых было решено, как свидетельствовал А. Е. Котомкин, серьезно заняться этим вопросом. Под госпиталь было отведено здание Дворянского собрания. Там же был главный пост внутренней стражи милиции, которая несла службу по разбросанным по всему городу отдельным постам на случай беспорядков или оказания помощи войскам на фронте в качестве резерва. А. Е. Котомкин также получил назначение – начальник одного из сторожевых постов внутренней охраны. Как инвалид войны и человек военный Александр не мог быть только наблюдателем происходящего. Он горел желанием оказать помощь защитникам города – братьям-славянам. Чтобы достать необходимые деньги для ухода за ранеными, на лекарства и перевязочные средства, во многом по его инициативе решено было устроить день сбора средств, назвав его Днем народной армии.

Во дворце бывшего Командующего войсками Казанского военного округа генерала Сандецкого среди прочих комиссий заседала культурно-просветительная комиссия. Она возложила на А. Е. Котомкина задачу организации литературного вечера в Казанском городском театре.

Эта миссия была успешно выполнена. Откликнулись казанские артисты, интеллигенция. Городской театр был переполнен – все стремились внести свою лепту в общее дело. Правда, имущие классы – казанское купечество, предприниматели – меньше других отозвались на призыв жертвовать в пользу больного и раненого. По замечанию Котомкина, бывали случаи, когда «сидевшие на миллионах купцы давали не больше как керенку... двадцати или сорока рублевую – измятую и изорванную... » [2, с. 13].

Вечер-концерт начался исполнением чешского и сербского гимнов и «Марсельезы», а вся программа была посвящена славянской музыке, славянским произведениям и памяти Яна Гуса. Все закончилось «американской лотереей», где публика отдавала ценные вещи, обручальные кольца и серьги.

Но ситуация развивалась не в пользу защитников Казани. 5 сентября 1918 г. Восточный фронт Красной армии перешел в наступление. Оно велось как по Волге силами Волжской военной флотилии, так и по левобережью Волги вдоль железной дороги Зеленый Дол – Казань. Под натиском красных Казань была сдадена 10 сентября. «Никто не ожидал, – писал Котомкин, – что Казань – главный город Поволжья, будет так быстро и внезапно сдана» [2, с. 13]. Он считал, что руководители Самарского Комуча не поняли и не оценили всей важности Казани, как главного опорного пункта в борьбе с большевиками. Эсеры из самарского правительства, по его мнению, были дилетантами, больше заботились о своих партийных выгодах, чем о страждущем Отечестве, тратя время на бесплодные заседания, митинги и речи. Большевики же, наоборот, зная стратегическое значение Казани, сделали все, чтобы ей овладеть. После падения Казани положение на фронте резко ухудшилось. После объединения оставшихся частей Народной армии 3 октября 1918 г. войска под командованием Каппеля начали с упорными боями отступать к Уфе.

На восток уходил и Котомкин вместе с группой артистов казанского театра, покинувших большевистскую Казань. 7 октября 1918 года под напором красных пала Самара. Большевики брали реванш за свои поражения весной-летом 1918 года. Пожар Гражданской войны разрастался, охватывая все новые территории.

После развала самарской «учредилки», как называли власть правых эсеров большевики, и первых серьезных поражений и потерь чехословацких отрядов с регулярными частями Красной армии у чехословацких легионеров, по выражению А. Е. Котомкина, прошел пыл борьбы с большевиками. Это было начало развала чехословацкого войска в России. Уже в сентябре 1918 г., находясь в Челябинске, Александр Ефимович стал свидетелем трагического самоубийства начальника Чехословацкой дивизии полковника Швеца. После отказа своих войск выполнить боевые приказы против Красной армии полковник не вынес позора и застрелился. «Я помню похороны Полковника Швеца в Челябинске. Торжественно и грустно и стыдно было чего-то; – тогда еще не совсем понятного. Тогда же я ему посвятил стихотворение «Родному герою».

Судьбой в Россию занесенный,
Ты за Россию пал в бою...
Тебе, за Родину свою,
Я стих слагаю умиленный.

Ты доказал, проливши кровь,
Что нам к неволе нет возврата!..
Прими ж от славянина-брата
Прощальный стих – мою любовь!

Да будет подвиг твой залогом
Единства родственных Славян, –
Чтоб слиться нашим двум дорогам
В великий путь Славянских Стран...

И пусть звездой беспечальной
Нам вечно подвиг твой горит...
И на твоей отчизне дальней
Привет мой эхо повторит.¹

¹ Котомкин А. За Россию. Париж, 1927.

«Быть может, – писал А. Е. Котомкин, – он думал, что его поступок заставит образумиться покотившееся назад Чехословацкое войско. Но Швеи ошибся. Легионеры похоронили его с музыкой, с речами, с биением себя в грудь, и продолжали уходить в тыл. Никому и в голову не приходило, что чехи окончательно бросают фронт и более туда не вернуться, – разве могут герои сидеть в тылу? Одна мысль об этом была бы тогда оскорбительна» [2, с. 32–33]. К чехам относились как к своим. Никто не считал их иностранцами. Их приветствовали на улицах сибирских городов.

Но в конце 1918 года ситуация изменилась. Провозглашение чехами невмешательства в русские дела во многом было связано с изменением обстановки в Сибири. 18 ноября 1918 г. группа офицеров во главе с адмиралом Александром Васильевичем Колчаком, военным министром Уфимской директории, произвела в Омске переворот. Они арестовали руководителей директории – правых эсеров и передали всю полноту власти Колчаку – военному диктатору, принявшему титул «Верховного правителя Российского государства» и верховного главнокомандующего. Другие белые генералы (А. И. Деникин, П. Н. Врангель) признали его полномочия. Основной базой нового режима стали Сибирь, Урал, Дальний Восток. Правительство Колчака вошло в контакт с представителями Антанты в Сибири – французским генералом М. Жаненом и английским адмиралом А. Ноксом. Западные державы стали оказывать военную и финансовую поддержку правительству адмирала Колчака. Город Омск становится столицей новой власти, центром формирования новых вооруженных сил для борьбы с большевиками.

В марте 1919 года началось наступление армий Колчака на Урал и Волгу. В апреле – мае они быстро продвинулись на главных направлениях, угрожая Вятке, приближались к Самаре, Симбирску, Казани. Восточный фронт снова становится главным фронтом Гражданской войны. Ударной силой сибирских армий адмирала Колчака стал легендарный Волжский корпус под командованием генерала В. О. Каппеля. Его костяк составляли остатки Казанской и Симбирской групп Приволжского фронта, которыми командовал Каппель с августа 1918 года. Однако стратегических целей и в этот раз достичь не удалось. В конце апреля 1919 года части Красной Армии начали наступление на Восточном фронте по двум направлениям: на Бугуруслан – Белебей – Уфу и Сарапул – Воткинск. В течение мая – июня наступление красных развернулось на огромном фронте. Основные силы Западной и Сибирской армий адмирала Колчака потерпели поражение и отступали с боями за Урал. Несмотря на стремительное наступление красных, каппелевцы осенью 1919 г. неоднократно контратаковали противника, нанесли ему ряд тактических поражений.

Тем временем части чехословацкого корпуса окончательно осели вдоль Великого Сибирского пути – Транссибирской железной дороги. Чехи «обиделись» на адмирала Колчака, который сделал ставку на русскую военную силу, хотя и не переставал считать их своими союзниками. Началась «теплушечная» жизнь чехов на станциях Сибирской железной дороги.

Чехословацкие легионеры размещались и по сибирским городам, по казармам, в поселках, станционных зданиях. Их эшелоны растянулись по всей магистрали от Урала до Владивостока. Союзные миссии возложили на чехословаков охрану Сибирской дороги. На каждой станции был поставлен чешский комендант, в расположении которого были паровозы и весь подвижной состав. По мере

ухудшения ситуации на Восточном фронте чехи стали превращаться в фактических владельцев дороги.

А. Е. Котомкин все это время находился на территории, подвластной адмиралу Колчаку. Вместе с группой казанских артистов он прибыл в Омск. В боях на Восточном фронте он не участвовал, сразу заявил, что не будет стрелять по своим – русским. Но фактически А. Е. Котомкин и театральная группа оказались в огне Гражданской войны. Александр Ефимович возглавил передвижной театр, находившийся в специальном поезде, который курсировал по Транссибу. В городах давались концерты, ставились спектакли. Представления были и на железнодорожных станциях. Передвижной театр подчинялся распоряжениям культурно-просветительного отдела правительства Колчака в Омске. Повсеместно ставилась драма Котомкина «Ян Гус».

Летом 1919 года из Праги в Сибирь приехала делегация от президента Чехословацкой республики Т. Масарика. Ее возглавлял сенатор доктор Крейчи. Во всех городах по Сибирской железной дороге устраивались торжественные встречи. В Иркутске А. Е. Котомкин организовал спектакль, на котором была представлена его пьеса «Ян Гус». «Членов Делегации я приветствовал поэмой, которую передал в старинном резном ларце, с надписью на серебряной пластинке», – вспоминал позднее Александр Ефимович [2, с. 42]. После спектакля Котомкин получил от Крейчи послание, в котором выражалась искренняя благодарность автору от всей делегации Чехословацкого правительства. «Мы были радостно удивлены видеть в Иркутске на сцене пьесу о нашем национальном гиганте, и найти здесь русского поэта, который с такой любовью выражает свои чувства к нашему Народу и вдохновляется историей для литературных произведений» [2, с. 43]. Александра называли «уважаемым братом». Его пригласили посетить Прагу в качестве высокого гостя.

В сентябре 1919 года чехословацкую делегацию встречали в Красноярске. «У меня было много встреч с легионерами, благодаря постановке моей пьесы «Ян Гус» в сибирских городах, – свидетельствовал А. Е. Котомкин. – Могу с уверенностью сказать, что вся Чешская Армия побывала на наших спектаклях. Не в похвальбу говорю, а лишь ради правды – чехи засыпали меня цветами, целыми полками и гарнизонами подносили альбомы и адреса» [2, с. 71].

Какую цель преследовал А. Е. Котомкин? В основе его бурной сценической деятельности лежало обычное авторское желание – показать свое детище – пьесу «Ян Гус» и русским, и чехам, особенно последним, ибо в замечательной игре актеров вставала живая история Чехии. Драма в стихах рождала уверенность, что правда, справедливость, любовь к Родине, на каком языке бы об этом ни говорилось, вечны, нетленны, они – достояние настоящих патриотов. «Что до меня, – признавался автор, – то я их любил до глупости искренно... » [2, с. 72]. Действительно, А. Е. Котомкин любил чехов, любил славян, считая славянское братство залогом победы. Он искренне верил в то, что единение славян обогатит культуру, сделает их сильными, позволит успешнее противостоять германскому натиску. «Зная многих и многих, я видел часто, какая огромная душевная драма скрывалась у иных под маской веселого безразличия к русским». Однажды А. Е. Котомкин получил письмо от одного легионера, которое потрясло его полным трагизмом душевным состоянием тех чехов, которые переживали за Россию. Он писал, что после увиденного на сцене у многих чехов просыпался «отголосок искреннего,

чистого чувства любви к Родине», любви ко всем братьям-славянам, которое еще сохранилось в душе чешского солдата.

«Я страдал, плакал, – писал посетивший спектакль чех, – в некоторых местах начинал стыдиться за имя чеха, за свою национальность, видя, что снаружи все у нас кажется красивым, честным, умным, а в сущности все наоборот – грязь, бесчестие, незнание и безнравственность... Но сегодня перед моею мыслью снова вообразилась вся история... Я видел вас, я слышал ваши добрые, золотые дружеские слова, я чувствовал, что они излились из горячего прекрасного славянского сердца. Благодарю вас, уважаемый Маэстро!» [2, с. 73]. Это было признание настоящего искусства, пробуждающего искренние чувства. Оно окрыляло поэта, готового и дальше бороться во имя этих благородных целей.

Нашлись, правда, единицы среди чехов, которые пытались представить дело таким образом, что Котомкин будто бы хотел организацией этих концертов склонить чехов к поддержке фронта адмирала Колчака. В своих воспоминаниях А. Е. Котомкин называл одну книгу бывшего легионера, где ему было брошено такое обвинение. «Этот обвинитель легионер, – писал он, – сам не знал, какую великую задачу приписывал он моему скромному делу» [2, с. 71].

Обстановка на фронте осенью и зимой 1919 г. складывалась не в пользу Белого движения. Красные наступали. Поражение белых в Сибири, сдача Омска привели к фактической потере власти А. В. Колчака. Начиная с осени 1919 г., власть адмирала не распространялась дальше штабного вагона, на котором он передвигался по Транссибирской магистрали дальше на восток. Чехи словно обрадовались. Они объявили: «Наша политика – рельсы, враг тот, кто окажется на них». Прикрываясь нейтральностью, они все сильнее вмешивались в русские дела, поддерживая социалистов против Колчака. Последние готовили восстание против «Верховного правителя». В ноябре 1919 года во Владивостоке произошло так называемое «восстание Гайды». Его свидетелем оказался А. Е. Котомкин, бывший в то время во Владивостоке. Окончательно рассорившийся с Колчаком, Радола Гайда, возглавлявший ранее Сибирскую (Северную) армию адмирала, переехал во Владивосток, собрал вокруг себя эсеров, готовил вооруженный заговор против Колчака. Население недоумевало, чего добивается Гайда. «За большевиков он, что ли? Да нет же, против этих супостатов. Тогда, что же ему надо!» Недоумение перешло в негодование, когда в течение двух дней шайка Гайды, открыв огонь, усеяла трупами привокзальную местность в городе. «По городу тянулись телеги с обезображенными мертвыми телами, – вспоминал А. Е. Котомкин. – Жители были потрясены. Родные ходили искать своих среди мертвецов. Матери убитых в бессильных слезах обнимались над трупами сыновей, павших с той и другой стороны, – бессмысленность этих смертей была очевидна» [2, с. 77].

Чехи поддержали восстание эсеров в Иркутске в декабре 1919 г., ставшее роковым для адмирала Колчака. Цель состояла в том, чтобы захватить власть и начать переговоры с большевиками о прекращении борьбы. В Иркутске эсеры основали Политический центр. Командующий союзными войсками генерал Жанен объявил нейтральной зоной все Глазговское предместье города Иркутска.

А. Е. Котомкин стал непосредственным свидетелем той трагедии, которая разыгралась на просторах Сибири зимой 1919–1920 года. Она принесла невиданные ужасы и неисчислимое количество смертей. Фронт быстро двигался на восток. После падения Омска армия адмирала Колчака, измотанная непрерывными

боями, морозами и постоянным нервным напряжением, не могла уже сдерживать натиск Красной армии. Между Омском и Ново-Николаевском растянулись эшелоны с эвакуированными. «Стояли лютые морозы – вспоминал Котомкин. – Эшелоны стали. Впереди железная дорога была безвыходно закупорена. По сторонам лежала бесконечно холодная Сибирская тайга, в которой не разыскать ни крова, ни пищи. Замерзавшие беженцы, кто поздоровее, выходили из вагонов и беспорядочными толпами шли на Восток, шли, пока были сильны, а раненые, больные, матери с детьми – беспомощно оставались замерзать» [2, с. 80–81].

Главными виновниками этой трагедии оказались чехи. Они силой отбирали у беженцев и раненых паровозы, не пропускали составы, заполняя подвижной состав под свои запасы и товары. Страшный хаос и затор парализовал железную дорогу. Русские не смели и думать даже воспользоваться своей собственной дорогой. 12 декабря 1919 г. после оставления Ново-Николаевска, А. В. Колчак назначил В. О. Каппеля главнокомандующим всеми белыми войсками в Сибири. Генерал принял командование гибнущим Восточным фронтом. Но чехи закрыли им путь по железной дороге. Как вспоминал А. Е. Котомкин, войскам Сибирской армии оставалась лишь застывшая под снежным покровом сибирская тайга, таежные санные дороги, безлюдные просторы, скованные морозами. Так и случилось. Сибирская армия сошла с железной дороги и по льдистым рекам, по тайге стала уходить на восток. Так начинался печально знаменитый Великий Сибирский ледяной поход – беспримерный длиной в три тысячи верст поход от Омска до Забайкалья в условиях 50-градусных морозов.

15 января 1920 года А. В. Колчак был арестован и выдан чехами эсеровскому Политцентру в Иркутске. Его предали чехословацкие легионеры и союзники по Антанте. Адмирал остался один. Колчак так и не смог противостоять тем неумолимым обстоятельствам, которые его окружали. Узнав о задержании адмирала, главнокомандующий В. О. Каппель вызвал командующего чехами и словаками в Сибири генерала Яна Сырового на дуэль за оскорбление русской армии. Но Сыровой не ответил. Под Красноярском в начале января 1920 г. армия Каппеля была окружена. Однако, после ожесточенных боев, каппелевцы смогли обойти город и вырваться из окружения. «Потом, – свидетельствовал А. Е. Котомкин, являвшийся участником ледового похода, – в ужасных условиях отряды кое-как собрались вместе и под началом генерала Каппеля стали пробираться на восток в надежде пробиться на Иркутск и закрепиться там».

Войска двигались параллельно железной дороге. К каждому населенному пункту подходили с опаской – нет ли красной засады. Одеты были, как свидетельствовал А. Е. Котомкин, кто во что, патроны – на вес золота, довольствие зависело от местного населения. Если село не ограблено большевиками, так сыты, а то и несколько дней шли впроголодь. От железной дороги их часто отгоняли, и они удалялись на север таежными дорогами. А когда опасность отходила, снова опускались ближе к дороге, и все шли и шли в заветном направлении – на восток.

У Колчака не было никакой надежды соединиться со своей армией. Власть в Иркутске уже перешла в руки большевистского ревкома. 7 февраля 1920 года в 4 часа утра А. В. Колчака вместе с премьер-министром бывшего Омского правительства В. Н. Пепеляевым большевики расстреляли. Решение об этом было принято в Москве, и директива о расстреле «верховного правителя» была направлена в Иркутск В. И. Лениным.

Сибирская армия генерала Каппеля тем временем при невероятных трудностях, в глубоких снегах, плохо одетая и голодная, мужественно пробивалась на восток. Каппель спешил в Иркутск, чтобы освободить Колчака. Но этому не суждено было сбыться. Будущий историк, как писал А. Е. Котомкин, восстановит по крупицам весь Ледяной поход и каждый день этого мученического похода будет известен. «Теперь же наше дело современников-очевидцев рассказать о них то, что глаза наши видели и уши слышали» [2, с. 111].

Только благодаря генералу Каппелю Сибирская армия вытерпела небывалый поход через всю Сибирь. Во время перехода по руслу реки Кан, где лед подтаивал из-за незамерзающих горячих источников, генерал Каппель провалился в полынью, но продолжил путь дальше. Через день врач констатировал обморожение ступней обеих ног и начавшуюся на почве обморожения гангрену. Ампутация конечностей была осуществлена без необходимых инструментов и медикаментов простым ножом без анестезии. Но и после этого Каппель руководил войсками. Он отказался от санитарного поезда. Владимир Оскарович ехал во главе армии даже тогда, когда мог держаться на лошади лишь будучи привязанным к седлу. Провал в полынью вызвал сильную простуду – двухстороннее воспаление легких. Один из участников похода А. А. Федорович вспоминал: «Стиснувшего зубы от боли, бледного, худого, страшного генерала на руках вынесли во двор и посадили в седло. Каппель выпрямился в седле и приложил руку к папахе. Он отдал честь тем, кого вел, кто не сложил оружие в борьбе. На ночлег его осторожно снимали с седла и вносили на руках в избу» [4, с. 104–105].

21 января 1920 года, чувствуя свою неспособность дальше командовать армией из-за сильного ухудшения состояния здоровья, Каппель передал командование генералу Сергею Николаевичу Войцеховскому. 22 января умирающий генерал руководил совещанием в городе Нижнеудинске, на котором было решено сходу взять Иркутск, освободить адмирала Колчака и стабилизировать фронт.

26 января в 11 час. 50 мин. на разъезде Утай, около станции Тумун близ Нижнеудинска, Владимир Оскарович Каппель умер. Последними словами генерала были: «Пусть войска знают, что я им предан был, что я любил их и своею смертью среди них доказал это» [4, с. 105]. «Солдаты его не похоронили в снегах, – свидетельствовал А. Е. Котомкин, – но завернули дорогое тело в шинели и не расставались с ним до тех пор, пока сами не нашли прочного пристанища за Байкалом» [2, с. 105].

Подход каппелевцев к Иркутску вызвал панику у местных большевиков. 7 февраля 1920 года каппелевцы вступили на станцию Иннокентьевскую в четырех верстах от Иркутска. Штаб Сибирской армии во главе с генералами С. Н. Войцеховским и Сахаровым уже имел план взятия Иркутска и планировал взять под контроль Глазговское предместье – стратегический ключ к городу. Чехи вновь вмешались в ситуацию, заявили, что если каппелевцы займут Глазгово, то чехословаки начнут вооруженные действия против них. Тем временем командующий Сибирской армией генерал С. Н. Войцеховский получил сообщение, что адмирал Колчак расстрелян. Тогда он отдал распоряжение обходить город без боя, направляясь по тракту на Байкал. А. Е. Котомкин, наблюдая эту картину, писал: «В темную ночь, 8 февраля 1920 года, тучи саней каппелевцев окружили Иркутск, вереницы всадников заполнили все дороги. Заветная цель, куда стремились через всю Сибирь, манившая отдыхом, – обманула. Прошли нескончаемые версты, изнемогающим от лишений, оставалось сделать последнее усилие и вот –

забытое наслаждение – вымыться, содрать с себя грязную, кажется, присошную к телу вшивую одежду и по настоящему, по-человечески, заснуть... Но нет! Дальше, еще дальше! Отдых не скоро, еще снежные версты бесконечны, много сотен верст еще лютого мороза, слепящей пурги и колючих сибирских туманов» [2, с. 123–124].

Обошедшая Иркутск, Сибирская армия спустилась на ледяную равнину Байкала и отправилась на другую сторону озера к станции Мысовой, а оттуда через леса и горы на Читу.

Бесконечная ледяная равнина легендарного «священного моря» встретила полки армии сильным ветром, сбивавшим с ног людей. Но вскоре ветер успокоился. Глаза уставших, обессиленных солдат и офицеров жадно искали жилье на берегу, чтобы перевести дух и отдохнуть. Как мираж иногда возникали замки и дворцы. Но внимательно взглядевшись вдаль, все исчезало. Коротенький отдых и снова в путь. Байкал миновали.

В Чите готовились к приходу каппелевцев. Освобождались помещения для бойцов: театры, чайные, гостиницы, частные квартиры, даже сараи, склады и конюшни. В обращении к гражданам Забайкалья и Читы власти приказывали принять, приютить тех, кому жители обязаны отдать свой гражданский и патриотический долг, поддержать их в трудную минуту. «Помните, что если мы еще не все потеряли, если наши семьи пользуются благополучием и безопасностью, то всем этим мы обязаны едущим теперь к нам борцам. Не забывайте, что им, нашим защитникам, предстоит новая борьба за общее благо Родины и за наше личное благополучие» [2, с. 128].

А. Е. Котомкин был в небольшой, преимущественно деревянной, Чите впервые. Типично сибирский городок утопал в снегу. «И вот настал день, – свидетельствовал он, – когда весь город буквально был затоплен санями и всадниками. Все ворота были раскрыты настежь, дворы кишели санями и лошадьми; по улицам шпалерами стоял народ и – плакал... Потому что нельзя было не зарыдать при виде этого нищего воинства, укутанного, умотанного в такое тряпье, какого я до этих пор представить себе не мог. Короткая шинеленка (некогда все тот же «мундир английский»), обмотанная одеялом, перетянутая в талии ремнем; на шее – кусок бараньей шкуры, тоже привязанный тряпицей, голова накрыта заплатанной шапченкой, насунутой на самое лицо, заросшее бородой; на ногах разбитые валенки, у которых подошва привязана проволокой, а сзади соломенная стелька тащится...» [2, с. 129].

В санях лежали привязанные веревками больные, главным образом тифозные, замотанные в грязное вшивое тряпье. Тут же дети, скелетоподобные лошади. «Я стоял в толпе, потрясенный зрелищем, – вспоминал Александр Ефимович. – Вот уже десять лет прошло, а спокойно не могу я вспоминать этого. Помню, как ударил соборный колокол: похоронный звон поплыл над этой необычной картиной. Это каппелевцы привезли в часовню тело ген. Каппеля, и архиерей велел звонить похоронную встречу почившему герою» [2, с. 129].

По свидетельству А. Е. Котомкина, город не спал и ночью. Всюду слышался возбужденный говор и скрип саней. А они все ехали и ехали. Казалось в Чите не осталось ни одной свободной щели. В городе не было ни одной хозяйки, ни одной матери, которая тогда не пекла бы, не варила, не стряпала всего, что только могла. Пришельцы, отвыкшие не только от привета и ласки, но просто

разучившиеся сесть на стул к столу, по-человечески есть вилкой, озирались с застывшей на лице растерянной улыбкой.

«У гроба генерала Каппеля, – свидетельствовал Котомкин, – стоявшего в часовне на Соборной площади, была густая толпа. Люди подходили и уходили. На полу, около гроба, все росла кучка денег, неизвестно кем начатая, – измятые, опущенные из трудовой ладони бумажки, неходящие ныне медяки и гривенники – кто, что мог. В соборе служилась непрерывная панихида – много, много не отпетых, оставленных в тайге, боевых товарищей дожидалось конца похода, чтобы оставшиеся в живых спели им, по обычаю отцов, вечную память и помолились бы об их вечном упокоении» [2, с. 130].

Наступило 22 февраля 1920 года. В этот день вся Чита прощалась с генералом Владимиром Оскаровичем Каппелем. На Соборной площади яблоку негде было упасть. Офицеры, солдаты, жители города осеняли себя крестным знаменем и пели «Вечную память». Гроб с телом прославленного генерала перенесли из часовни в Александро-Невский собор. А. Е. Котомкин был в центре этой процессии. Он волновался. И когда гроб опускали в могилу, Александр Ефимович призвал всех к молчанию. И в наступившей тишине с большим чувством прочел:

Тише!.. С молитвой склоняем колени...
 Пред вами героя родимого прах...
 С безмолвной улыбкой на мертвых устах
 Он полон нездешних, святых сновидений...
 Ты умер!.. Нет!.. Верю я верой поэта:
 Ты жив!.. Пусть застывшие смолкли уста,
 И нам не ответят улыбкой привета,
 И пусть недвижима могучая грудь...
 Но подвигов славных жива красота...
 Наш символ бессмертный – твой жизненный путь.
 «За Родину! В бой» – ты кликнешь призывом
 Орлов-добровольцев к себе же созовешь...
 Но верю – своим беспримерным порывом,
 Как пламенем, русское сердце зажжешь...
 Ты бился за волжские дивные дали,
 И песнь тебе сложит волгарь...
 И Камы привольной угрюмый косарь
 В тех песнях забудет о прошлой печали...
 И эхом ответным Уральские горы
 Откликнутся Волге... Тайга загудит...
 И братья забудут кровавые споры,
 И песню про Каппеля сложит народ...
 И Каппеля имя, и подвиг без меры,
 Средь славных героев вовек не умрет...
 Склони же колени пред символом веры,
 И встань за Отчизну Родимый Народ...

[4, с. 107–108]

Чеканные фразы Александра Котомкина запали в душу многих участников этой похоронной процессии. Они вдохновляли на новые подвиги во имя Родины, будили, казалось, угасавшие чувства спасения и возрождения России. 25 февраля читинская газета «Забайкальская новь» опубликовала это стихотворение под названием

«На смерть Каппеля: (вместо венка на могилу героя)». В 1927 году А. Е. Котомкин опубликовал его в сокращенном варианте в сборнике «За Россию» (Париж, 1927 г.) под названием «Родному герою», сопроводив его следующим примечанием: «Генерал Каппель – один из славных героев Добровольческих Армий, боровшихся с войсками Красного Интернационала за свободу России. Пройдя славный, легендарный боевой путь от берегов Волги до Сибирских просторов, он, будучи назначен Верховным Правителем Адмиралом А. Колчаком, – Командующим Сибирской Армией – умер на своем посту смертью героя, завещав своим войскам, ныне носящим историческое имя – Каппелевцы – до конца остаться верными святой идее борьбы за освобождение России»¹.

Позднее прах В. О. Каппеля был перенесен на кладбище Читинского женского монастыря. Однако уже осенью 1920 г., когда красные приближались к Чите, каппелевцы, спасая прах любимого генерала от возможного надругательства со стороны большевиков, перевезли останки в город Харбин – центр русской эмиграции в Северо-Восточном Китае.

В декабре 2006 года по благословению Святейшего патриарха Алексия II останки боевого генерала были перевезены из Харбина в Москву для перезахоронения. 13 января 2007 года генерал Каппель был захоронен на кладбище Донского монастыря рядом с могилами генерала Антона Ивановича Деникина и русского философа Ивана Александровича Ильина.

Весной 1920 года в Читу стягивались все антибольшевистские силы. Забайкалье было центром борьбы против красных. Особую роль играло забайкальское казачество. В Чите находился штаб одного из лидеров Белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке атамана Григория Михайловича Семёнова. Сначала атаман не признал Колчака Верховным правителем России. Но летом 1919 года, после признания, он был назначен Походным атаманом Дальневосточных казачьих войск и помощником Главнокомандующего войсками Приамурского военного округа с правами военного губернатора Забайкальской области. 4 января 1920 года. Колчак передал Семёнову всю полноту власти на территории Российской восточной окраины.

После расстрела Колчака чехословаки увидели в атамане Семенове нового диктатора, который помешает им эвакуироваться дальше на восток. Чехи были уверены, что еще Колчак дал указание атаману осматривать каждый их эшелон, проходящий через Читу. Настроение чехословацких офицеров и солдат становилось все более нервным и озабоченным.

А. Е. Котомкин, находясь в Чите уже в звании капитана, играл важную роль в дипломатических отношениях между атаманом Семёновым и чехословацким командованием. Однажды ночью А. Е. Котомкину позвонили от атамана и попросили срочно явиться в штаб. Г. М. Семёнов встретил его лично и рассказал о телеграмме, полученной со станции Оловянная, где чехи грабили русские эвакуационные эшелоны, отправленные из Читы с семьями военных. Попытки уладить ситуацию ни к чему не привели. Генерал Ян Сыровой потребовал, чтобы к нему явился либо сам атаман, либо капитан Котомкин. Г. М. Семёнов просил Котомкина срочно выехать в штаб Сырового на станцию Чита I. На личном автомобиле атамана Котомкин прибыл в чехословацкий штаб. Сыровой был очень зол. Его единственный глаз воинственно сверкал. Котомкин пытался говорить о безобразиях

¹ Котомкин А. За Россию. Париж, 1927. С. 25.

чехов на станции, но генерал сначала чуть ли не кричал, что раскатает Читу по бревнышку, бегал по вагону с воинственными жестами. Котомкин убеждал Сырового успокоиться, ибо казаки уже седлают своих коней и придут к поезду генерала раньше, чем чехи прикатят свою артиллерию. Александр Ефимович был очень взволнован, но дипломатично уладил ситуацию. Более того, на следующий день генерал Сыровой прибыл в штаб к Семёнову и, как вспоминал А. Е. Котомкин, благодаря чисто русскому гостеприимству и открытому характеру атамана Семёнова, гостям было предложено красное вино и тост за славянское единение. Приказом от 16 марта 1920 г. «дипломат» Котомкин был назначен официальным уполномоченным атамана для сношений с чехословацким командованием [2, с. 142–143]. Никто в Чите эту должность на себя брать не хотел, ибо трудно было защищать чехов. Чита, как и вся Сибирь, потеряла к ним всякое уважение. «Могу с чистой совестью сказать, – вспоминал Александр Ефимович, – что нечаянную обязанность эту я исполнял чуть ли не покладая свой живот и слыл в Чите единственным «чехофилом». Да и чехи не отрицают, что благодаря мне, они избегли очень многих неприятностей в Чите, хотя не видел я от них благодарности, да и не ждал ее, а помогал скорейшей эвакуации чехов как мог, и принимал на себя за них все заушения, единственно, из-за сохранившегося еще во мне тогда, несмотря ни на что, славянского чувства и искренней любви к чехам» [2, с. 143].

В начале апреля 1920 года, когда красные приближались к Чите, А. Е. Котомкину удалось получить от чехов пять орудий, которые использовались в боях с Красной армией. Ее части были разбиты и бежали. За это «мирное» взятие батареи капитан А. Е. Котомкин был произведен в подполковники [2, с. 145]. В действительности эти орудия принадлежали енисейским казакам. Таким образом, А. Е. Котомкин возвратил орудия тем, кому они принадлежали. От казаков-енисейцев подполковник Котомкин получил письмо, в котором выражалась сердечная благодарность за содействие Енисейскому казачьему войску. Помощник атамана войска А. Кузнецов писал: «Глубокоуважаемый Александр Ефимович! От имени Енисейского казачьего войска, которое я здесь представляю, искренно и сердечно благодарю Вас за то содействие, которое Вы оказали войску. Привет мой и войска Вам, искренно уважаемый Александр Ефимович!» [2, с. 145].

Красная армия наступала на Читу. Город переживал трудные дни. Над городом летали аэропланы красных, сбрасывая бомбы, сея панику на улицах. Чита эвакуировалась. Чехи спешили через Маньчжурию к Владивостоку. В Чите еще оставался Политический представитель Чехословацкой Республики и военный представитель чехословацких войск майор Я. Кошек. Атаман Г. М. Семёнов также выехал из Читы. А. Е. Котомкин был назначен Семёновым его официальным посланником Главнокомандующего вооруженными силами Российской Восточной окраины. Ему предстояло выполнить сложную миссию – выехать в Крым к генералу Петру Николаевичу Врангелю и официально известить его о том, что Семёнов признает его главой всех русских антибольшевистских сил и подчиняется ему.

Такую поездку можно было осуществить только через Владивосток. А. Е. Котомкин взялся за выполнение этой миссии. Путь лежал во Владивосток через Маньчжурию, а затем через Японию морским путем в Европу. Прибыв в Крым в середине ноября 1920 г. и передав генералу Врангелю послание от Семёнова, Котомкин стал свидетелем эвакуации белых из Крыма под напором Красной армии. В числе эмигрантов «русского исхода» был и Котомкин, навсегда покинувший Россию и ставший

эмигрантом первой волны. 22 января 1921 года он прибыл в Прагу и начался чехословацкий период его эмиграции (1921–1926 гг.) который, по выражению поэта, был лучшим периодом его эмигрантской жизни. В Чехословакии печатались его произведения, в том числе на чешском языке, повсеместно ставились спектакли. Русский поэт стал Почетным гражданином Праги. Но это уже другая история.

Список литературы

1. История Казанского университета / рук. авт. кол-ва, гл. ред. проф. И. П. Ермолаев. Казань, 2004.
2. Котомкин А. Е. О чехословацких легионерах в Сибири. 1918–1920. Воспоминания и документы. Париж, 1930. 173 с.
3. Пашенко М. Котомкин Александр Ефимович // Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь в 5 томах. Т. 3. М., 1994.
4. Стариков С. В. Александр Котомкин (Савинский): жизнь, творчество, судьба. Йошкар-Ола: ООО «Издательский дом Сельские вести», 2012. 183 с.

Поступила 26.09.2017; принята к публикации 26.10.2017

Стариков Сергей Валентинович, доктор исторических наук, профессор, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, sv.starikov@yandex.ru

ALEXANDER KOTOMKIN (SAVINSKY) AND CZECHOSLOVAK LEGIONARIES ON THE VOLGA, THE URALS AND SIBERIA (1918–1920)

S. V. Starikov

In the article we are talking about Alexander Kotomkin (1885–1964), who, with the support of the Grand Duke Constantine Romanov, the poet “K. R.”, became a famous poet, published his works in collections and literary magazines of the early twentieth century. Member of the First World War, Kotomkin called for his work to unite against German aggression, was an ardent supporter of the Slavic unity. In 1917 he published the historical drama “Jan Hus”, which became the first In Russian literature dedicated to the 500th anniversary of the death of the Czech national hero. The poet welcomed the Czech national movement, sent poetic greetings to the “Brothers-Czechs”. Revolution and the civil war In Russia changed the fate of Kotomkin. He was a participant in the Civil War on the Volga, the Urals, in Siberia on the side of the White Movement, did not accept Bolshevism, remained a Russian patriot, advocated the preservation of Russia's traditional values. The poet welcomed the actions of the Czechoslovak Corps on the territory of Russia, which acted with arms in hand against the Soviet power. Kotomkin believed that Czechoslovakians together with the Russian volunteers would destroy the regime of the Bolsheviks and achieve liberation. Together with the troupe of the Kazan Theater, Kotomkin staged his play “Jan Hus” in the cities and major stations of the Siberian Railway. Czechoslovaks welcomed him. The delegation from President T. Masaryk in 1919 invited Kotomkin to visit Czechoslovakia. However, as the Red Army was approaching, the Czechoslovak Corps was eliminated from the general struggle and, in the opinion

of the poet, betrayed the Russian patriots. Kotomkin became a participant in the death of the Siberian army, General Kappel. In spring of 1920 he became authorized ataman Semenov on the relationship with the command of the Czechoslovak Corps, tried to reach a compromise between anti-Bolshevik forces and Czechoslovaks. In 1920 after the defeat of the White Movement, Kotomkin emigrated to Czechoslovakia and called the Chekchoslovak period (1921–1926) the best period of his emigrant life.

Keywords: Alexander Kotomkin, poet, playwright, First World War, Slavic unity, Czechoslovak legionaries, Volga, Ural, Siberia, Civil war.

Citation for an article: Starikov S. V. Alexander Kotomkin (Savinsky) and Czechoslovakian legionery on the Volga, Ural and in Siberia (1918–1920). *West – East*. 2017, no. 10, pp. 87–103. DOI: 10.30914/2227-6874-2017-10-87-103

References

1. Istoriya Kazanskogo universiteta [History of Kazan University], ruk. avt. kol-va, gl. red. I. P. Ermolaev. Kazan', 2004. (In Russ.).
2. Kotomkin A. E. O chekhoslovatskikh legionerakh v Sibiri. 1918–1920. Vospominaniya i dokumenty [About the Czechoslovak Legionnaires in Siberia. 1918–1920. Memories and documents]. Parizh, 1930, 173 p. (In Russ.).
3. Pashchenko M. Kotomkin Aleksandr Efimovich [Kotomkin Alexander Efimovich]. Russkie pisateli 1800–1917. *Biografi-cheskii slovar' v 5 tomakh* = Russian Writers 1800–1917. Biographical dictionary in 5 volumes, vol. 3, Moskow, 1994. (In Russ.).
4. Starikov S. V. Aleksandr Kotomkin (Savinskii): zhizn', tvorchestvo, sud'ba [Alexander Kotomkin (Savinsky): life, creativity, destiny]. Ioshkar-Ola: OOO «Izdatel'skii dom Sel'skie vesti», 2012, 183 p. (In Russ.).

Submitted 26.09.2017; revised 26.10.2017

Sergei V. Starikov, Ph. D. (History), professor, Mari State University, Yoshkar-Ola, sv.starikov@yandex.ru